

УДК 725.949

Гиззятова Л.Р. – начальник мастерской стратегических исследований

E-mail: lilya.gizziatova@gmail.com

ООО «Архитектурный десант»

Адрес организации: 420111, Россия, г. Казань, ул. Баумана, д. 19, оф. 301

Краснобаев И.В. – кандидат архитектуры

E-mail: tia.kgasu@gmail.com

Казанский государственный архитектурно-строительный университет

Адрес организации: 420043, Россия, г. Казань, ул. Зелёная, д. 1

Временная архитектура общественного назначения: предпосылки, история, классификация и потенциал современного развития

Аннотация

Постановка задачи. Целью статьи, резюмирующей магистерскую диссертацию выпускника КГАСУ 2014 года, было обоснование перспективности разработки и внедрения временной архитектуры в общественных пространствах городов вопреки государственной политике в России по устранению временных сооружений из центральных городских зон.

Результаты. На основе обобщения теоретических, исторических предпосылок и современного международного опыта использования временных сооружений общественного назначения обоснована актуальность их развития в современном качестве, выявлена типология градостроительных, функциональных и композиционных решений, показан потенциал современных композиционных решений, повышающих качество общественных пространств российских городов.

Выводы. Временная архитектура является наиболее отзывчивой к потребностям населения в сфере торговли и организации досуга, может различными способами эффективно заполнять городские «пустоты», выступать самой доступной площадкой творческого манифеста архитекторов, обладает способностью выразить современные идеалы гибкости, легкости и мобильности.

Ключевые слова: временная архитектура, временные сооружения общественного назначения, павильоны, архитектура массовых мероприятий.

На современном этапе развития качества архитектуры, создания грандиозных проектов Москва-сити, застройки Дубай небоскребами, часто возникает вопрос, зачем нужны временные сооружения (далее ВС), что оправдывает их существование в мегаполисах? ВС всегда были частью городского пространства, однако негативный оттенок их наличия в России стал проявляться только после указа 1992 года «О свободе торговли», когда на фоне дефицита потребительских товаров в торговой сети ВС в форме частных торговых киосков стали бесконтрольно появляться в российских городах, заполняя «пустоты» городского пространства, что можно определить как «павильонный бум». В настоящее время внешний вид этих сооружений, функциональное содержание, формируемое ими окружение, не соответствуют растущим требованиям к качеству городской среды. Основным решением этой проблемы для крупных российских городов (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Нижний Новгород) стала жесткая регламентация зон размещения, композиции, образа и эстетических характеристик. Например, в Москве с 2011 по 2013 год было ликвидировано 6 из 10 тысяч объектов мелкорозничной торговли за устаревшие стандарты и эстетику фасадов, в Казани их число сократилось с 2246 в 2009 г. до 903 в 2013 г. В 2013 году был принят ФЗ № 271 «О розничных рынках», который не внес значительных изменений, но привел к сокращению числа временных торговых сооружений, увеличению радиуса доступности объектов торговли, возникновению несанкционированных ВС внутри квартальной застройки и росту цен вплоть до 9 %. Временная архитектура (далее ВА) дискредитирована в глазах властей и жителей.

С другой стороны, внимание к ВА со стороны мирового профессионального сообщества говорит о ее практическом потенциале, а вручение в 2014 году высшей

международной архитектурной награды – Прицкеровской премии Шигеру Бану – автору множества ВС из бумаги, дерева и картона, подтверждает этот интерес. Проводятся международные выставки, форумы и проектные семинары, где центром внимания становятся ВС. Если на Венецианской Биеннале, международных ЕХРО, Лондонском фестивале архитектуры и пр. давно используются авторские ВС, то в Россию новый подход к данной типологии пришел в 2004 г. (постройки в клязьминском пансионате «Пирогово»), и ВА стала средством выражения культурного и политического протеста. Первыми были загородные фестивали: «Города» (2006-2013 гг.), «Архстояние» (с 2006 г.), «Сибирский БухАрт» (2007), а с 2010 г. ВА возрождается в городских парках и общественных пространствах (парк им. Горького, парк «Музеон», сад им. Баумана, Новая Голландия). ВА осознается жанром, способным выразить современные идеалы гибкости, легкости, подвижности и мобильности.

Анализ научных исследований в области ВА выявил отсутствие четких формулировок понятия «временная архитектура», «временное сооружение», противоречие между понятиями «мобильное» и «временное»; отсутствие комплексного подхода в изучении ВС общественного назначения, определяющего дальнейшие векторы развития городской среды.

Слово «временный» как минимум в английском (temporary), французском (temporaire) и немецком (zeitweilig) эквивалентах в переводе означает «существующий ограниченное количество времени». Понятие трактуется как противоположность постоянному, а в архитектуре – капитальному. Анализ существующих нормативных документов, определений, представленных в научных и теоретических исследованиях выявил критерии, выделяющие ВС, как самостоятельную типологию: сезонность, мобильность, отсутствие фундамента (не заглубленные фундаменты), изначальное условие возведения на определенный срок, быстровозводимость, срок службы зданий. На их основе были сформированы следующие термины:

- Временное сооружение – сооружение с ограниченным временным существованием на определенном месте, максимальный срок службы которого составляет не более 10 лет, имеющее, как правило, облегченную конструкцию без заглубленных фундаментов.

- Временная архитектура – род некапитальных сооружений с ограниченным временем существования на определенном месте, максимальный срок службы которых составляет не более 10 лет, имеющих, как правило, облегченную конструкцию без заглубленных фундаментов.

Обращаясь к истории ВА, в качестве первых ВС можно привести ветровые заслоны и шалаши, которые использовались как святилища, либо как укрытия в теплых широтах. Они стали прообразом более поздних тентовых сооружений – палаток римских легионеров, шатров бедуинов, североамериканские типи и монгольских юрт (майханов), которые в свою очередь вдохновляют сооружения современной мобильной архитектуры. Например, в шатрах или майханах использовался актуальный донине конструктивный принцип сжатия стоек и растяжения мембраны, конструкцию типи можно сравнить с пространственной рамой с мембраной из животных шкур, в азиатской юрте использовались модульные принципы организации, которые легли в основу архитектуры XX века. К древнейшим ВС можно отнести библейскую скинию Завета – первый переносной храм [6]. Из истории древнего Рима известен сюжет о гигантском тенте, натянутом над Колизеем, который удивлял сильнее гладиаторских боев. В Средневековье появляется типология тентовых сооружений, связанных с военным делом. На период эпохи Возрождения приходится период становления ВА как жанра садово-паркового искусства и элемента городских шествий (например деревянные сооружения на колесах, покрытые лепниной или расписанными холстами в Париже), появляются цирки шапито [3]. В XVII-XIX веке типология ВС расширяется (например таможенные павильоны – они же декоративные входные арки в Париже (архитектор К.Н. Леду); в Санкт-Петербурге – деревянные павильоны в саду Михайловского дворца (архитектор К.И. Росси), резные павильоны Чайного и Кофейного домиков в Летнем саду).

С середины XIX века ВА стала основой международных выставок, каждая из которых привлекала большое количество архитекторов и активно влияла на изменения представлений об архитектуре, начиная с Хрустального дворца на первой выставке 1851 года. В России важной вехой стала первая сельскохозяйственная выставка 1923 года в Москве. В ее создании участвовали известные архитекторы: А.В. Щусев, И.В. Жолтовский (генплан выставки, павильон «Шестигранник»), И.А. Фомин, К.С. Мельников (Павильон «Махорка») и т.д. Многие из объектов, предложенных для участия в выставке, киоски стали объектами городского пространства, например цветочный киоск для экспозиции Туркестан по проекту Ф.О. Шехтеля, а некоторые павильоны были растиражированы по всему Союзу [7, С. 104-115].

Точкой отсчета становления теории временной, мобильной архитектуры, кинетических систем можно считать середину 1960-х годов, когда архитектор-теоретик Седрик Прайс, в противовес все еще актуальному функционализму впервые в своих концепциях рассматривал изменимость города, временность его существования, а архитектуру определял как что-то незаметное, «вроде водопровода», но сохраняющее способность связывания элементов – анти-архитектуру. По мнению Прайса «архитектура – слабый и неэффективный исполнитель, потому что при своей монументальности она всегда приходит последней». «Признание ничтожности архитектуры позволит ей функционировать как системе связей, которые генерируют разнообразные виды деятельности». Его проект Fun palace (1964 г.), рассчитанный на 10 лет, содержал идею, что архитектура не должна быть заключена в капитальное здание, а, наоборот – оставаться мобильной, адаптивной и многократно используемой, что впоследствии было реализовано в проекте Центра Помпиду в Париже (арх. Ренцо Пьяно и Ричард Роджерс). Размышления о временности и капитальности в городском пространстве привели Прайса к концепции «non-plan» – отказа от планировочных законов в градостроительстве и создания свободных зон, которые должны всегда оставаться пустыми или застраиваться зданиями, которые при моральном устаревании бы уничтожались, уступая место архитектуре новых социальных запросов [14].

В 1988 году социолог Джон Урри, под впечатлением от идей Прайса, предложил рассматривать пространство состоящим из множества движущихся элементов, включая различные «геометрические силы», а в 2012 году разработал парадигму мобильностей как основу формирования мобильных миров (мобильной городской среды, предметной среды и т.д.), основанной на выстраивании вероятностей в организации пространства, создании набора опций пространства, а «конкретные объекты среды предоставляют возможности и оказывают сопротивление, при условии что люди – это чувствительные... и мобильные существа» [13, С. 141].

Одновременно с Седриком Прайсом критика философом Жаком Дарридой архитектуры, создающейся на основе отрицания функционализма или историзма легла в основу теории деконструктивизма, исходя из которой австрийская архитектурная группа Куп Химмельб(л)ау предложила концепцию здания-люфта, идея пустого пространства которого содержит в себе потенциал использования и реконструкции для будущих пользователей, предоставляя им возможности, а не функцию. «Павильоны должны быть упорядочиваемы активностью пользователей, а не замыслом архитектора» [1]. В архитектурном исполнении в 1965 году концепция здания-люфта представляла собой большие пустые павильоны без заложенной идеи и функционального назначения.

Питер Эйзенман – другой практик деконструктивизма – связывал свои концепции с идеями Жака Дерриды, воспринимая деконструкцию как метафору в формообразовании. В 1970-80-е годы архитектор формулирует идеи семиотической игры – создания состояния аффекта, архитектуру ауры, которая предполагает иную концепцию структуры, основанной на неопределенности [8, С. 109]. Проект «House 11A» (1978-1980 гг.) описывает эту идею, дополняя ее формированием архитектурной формы во временном и декомпозиционном модусе, то есть видимом как нечто, выбранное из беспорядочного набора неопределенных пространственных сущностей и приведенное архитектором к простоте. Во многом идеи Эйзенмана перекликались с проектами Бернара Чуми, в частности парка Ля Виллет в Париже (1979-1989 гг.), соавтором которого является Жак Даррида. В проекте парка реализована концепция «архитектуры

без начала и конца», «архитектуру наслаждения», создающую новый подход к архитектурной форме [8, С. 114]. Данная концепция соотносится с идеями группы Куп Химмельб(л)ау и перекликается с социальными аспектами идей Урри.

Независимо от теории деконструктивистов в среде японских архитекторов (К. Кикутаке, К. Курокава, К. Танге, Ф. Маки, Я. Сакакура, К. Маекава и критик Н. Кавадзоэ) под влиянием местной культуры и идей связи с природой развилась концепция метаболизма. В её рамках структура «пространство-город» делится на пространственные и временные модульные и ячеистые составляющие. Хрестоматийным примером метаболизма является Башня «Накагин» в Токио по проекту К. Курокавы 1968 года, однако манифест метаболизма и проявления идей было осуществлено во время ЕХРО в Осаке в 1970 году, где куратором и автором павильона «Башня солнца» был Кензо Танге.

В 60-х годах под влиянием левых убеждений Хиппи – субкультуры американский архитектор Стив Баер создал поселение из полусферических жестяных хижин «Дроп-Сити» в Аризоне, где заложил принципы максимальной мобильности в архитектуре, отрицающей постоянство как противоположность свободе и пропагандирующей возврат к природе.

В отечественной науке в 1970-х годах Гутновым А.Э. и Лежавой И.Г. город был переосмыслен как 3 иерархически расположенных компонента: каркас – наиболее устойчивая улично-дорожная сеть, обновление которой проходит в течение столетий; ткань – капитальные сооружения, изменяющиеся в течение десятилетий и плазма – временное наполнение городского пространства – павильоны, киоски, рынки, которые меняются не реже чем в 5 лет, практически не влияя на изменения градостроительной ситуации, но восприимчивы к социальным проблемам.

В 80-е, в период развития компьютерных технологий и информации, становления кибернетики, как самостоятельной науки в архитектуре, появляются теории, тесно связывающие развитие города с мобильностью, динамизмом, неконтролируемой изменчивостью, например, проекты самопреобразующихся городов британской группы архитекторов Архигрэм, в сотрудничестве с Седриком Прайсом – Plug-in City (Город интеграции), Walking city (Шагающий город), Computer city (Компьютерный город), Underwater city (Подводный город). Проект «Живой город» (1963 г.) демонстрировал городское пространство, актуальное для жителей, лишённое капитальных зданий, дорог, без правил организации генпланов фасадов и стилистического анализа.

В конце 1980-х годов философ-постструктуралист Жиль Делез высказал идею, что архитектура – не вещь, а абстрактная, изменчивая и ускользающая топологическая структура. На этой основе архитектор Стефен Перелла разработал идею топологических импульсов архитектуры. Он предполагал, что пока архитектура не пропитается каждодневной жизнью, она не анимируется [8, С. 288]. Результатом стал проект гипероболочки самовозникающего пространства.

В конце XX-начале XXI века архитектор Чарльз Лендри описал современное состояние в философии архитектуры как уплотнение субъективно воспринимаемого времени ввиду резкого повышения интенсивности городской жизни. В своем исследовании этого феномена он пишет: «Новая ментальная география не устойчива – слишком много информации упаковано на коротких отрезках времени. Мобильность все больше уплотняет время, заставляя переживать его физически...». А в работе «The Time Squeeze», где рассматриваются темпоральные проблемы в обществе, опорную стабилизирующую функцию он видит в ритмичном преобразении среды, которое держит равновесие в развитии города. В современном восприятии, время и пространство являются ценным ресурсом и инструментом архитектора, а временность, по его мнению, необходимо определять как параметр устойчивого развития [8].

В 2000-х годах на пересмотр векторов развития городского пространства начинает влиять массовый доступ в Интернет, вытесняющий жителей с городских улиц и лишаящий города социальных связей. В этих условиях американский теоретик архитектуры Уильям Митчелл на основе концепции «Права на город» социолога Анри Лефевра высказал теорию «диверсификации пространства», которая предполагает в рамках фрагмента города обеспечение человека всеми потребностями на основе создания портативных средств, в том числе электронных [11, С. 219]. Архитектурным примером реализации данной теории нам представляется проект группы MVRDV «Container city».

В это же время ВА как направление в типологии стало основой развития фестивальной архитектуры, областью архитектурного творчества. Так, галерея Serpentine ежегодно приглашает архитектора – лауреата Прицкеровской премии воплотить свои концепции в сезонном павильоне. Отдельно необходимо отметить Шигеру Бана доказавшего способность изначально не строительных материалов выступать в качестве конструктивного каркаса. Также архитектор создал прецедент архитектуры исключительно как объекта с коротким сроком службы (временный кочующий музей на Гудзоне из картонных труб и контейнеров).

В последние годы развитие ВА в городе, территориях временного использования, временный урбанизм были исследованы в работах берлинской группы архитекторов Urban Pioneers. Большой вклад в изучение современной теории ВА, описанию отдельных концепций и примеров сделал Роберт Кроненбург – с 1995 года автор почти 30 книг о временной, мобильной, гибкой и эфемерной архитектуре. Его труды объединили в систему временные и мобильные сооружения. Обобщает теоретическую базу ВА и сборник статей «Time-based architecture able to withstand changes through time», посвященный архитектурным объектам, способным к изменению во времени. Также здесь в теорию архитектуры вводится термин «Time-based architecture» (ТВА) – архитектура, реагирующая на изменения в окружении, которую часто сравнивают с интерактивной архитектурой. Активно ТВА исследовал Дэвид Холл, который соотносит временное в архитектуре с видеоартом и светодизайном [4].

В результате анализа творческих исследований и концепций в области ВА было выявлено несколько подходов в определении роли времени и временности на различных уровнях архитектурного знания и практической деятельности. Время, по большей части, рассматривается как количественный и качественный фактор изменения города – пространства – архитектуры, часто зависящий от запросов человека, однако, до конца XX века не рассматривается как самостоятельное понятие.

Анализ современного опыта в области ВА общественного назначения выявил ряд признаков временности сооружений, которые представляют как общемировые тенденции, так и авторские подходы.

В ходе анализа теоретических концепций было определено, что ВС выступают в роли городской «плазмы» – обновляемого и изменяемого компонента уличной среды. Однако не только такие объекты могут быть временными. Множество капитальных зданий и сооружений выполняют функции временного и периодического использования, например те, где регулярно происходит обновление внутреннего пространства и программы, в частности выставочные пространства. ВА используется для организации интерьерного пространства по принципу павильон внутри павильона. Таков деревянный павильон часов Hermes La Montre, созданный Тойо Ито для выставки в Швейцарии или павильон Египта на Expo-2010 в Шанхае (архитектор Заха Хадид).

Следующим признаком временности является характер расположения относительно места. Сюда относятся мобильные сооружения, которые могут быть демонтированы, перенесены и повторно собраны. Павильон Nomiya (архитекторы Laurent & Pascal Grasso) – ресторан площадью 63 м², установленный на крыше художественного центра Токийский дворец в Париже в 2009 году с видом на еще одно ВС – Эйфелеву башню – одна из иллюстраций данного признака временности. Поднятый с помощью башенного крана как цельный объект, этим же способом он позднее перемещался и на другие крыши города. Более известный пример мобильного ВС – шоу-рум Ily push button house (архитектор Adam Kalkin), площадью 44,6 м² – контейнер, который при нажатии кнопки раскрывается в интерьер квартиры. Впервые установленный на улице Венеции в рамках Биеннале 2007 года, павильон затем перемещался по всей территории Европы.

Быстрота возведения и экономичность эксплуатации ВС порождает в последнее время множество оригинальных одноразовых временных структур, которые после эксплуатации на уникальных массовых и творческих мероприятиях будут разобраны и как правило не собраны вновь, чтобы создать длительную память о событиях, избежать повторения. Например, архитектор Мартин Фишер создал концертные площадки для Rolling Stones, U2 и Pink Floyd. Конструкция под названием «Большой взрыв» для Rolling Stones 2005 года представляла собой сборный каркас со встроенными проекторами,

созданный на основе «декадентской живописи и декора оперного театра XIX века» [5, С. 174]. Сюда же можно отнести тематические ВС на лондонском фестивале архитектуры, навес из надувных шаров и ткани для фестиваля *With the Wind* в китайском Шеньчжэне в 2009 г., ВС на российских фестивалях архитектуры «Архстояние» (с 2006 г.), «Города» (2006-2013 гг.) и др.

Временные материалы – тоже признак временности. К таким ВС относятся объекты, состоящие из материалов, в т.ч. и не строительных, которые легко сломать и разрушить; разовых и перерабатываемых; недлительного использования, легких, полупрозрачных или тонких – бумага, картон, тростник, солома, стекло, лед, дерево, вода, свет, мыльные пузыри, а также вторсырье и мусор. Экспериментальное сооружение *Cloud cities / Air-port-city* архитектора Tomas Saraceno представляет собой навес из нескольких скрепленных вместе воздушных шаров, символизирующих парящие города. Другим примером служит выставочный павильон 2008 г. в австрийском Граце *Moderato Cantabile*, площадью 80 м², созданный из обрезков металлических листов и арматуры. Примечательно, что объект стал центром общественного пространства примыкающего к зданию музея в стиле Барокко и переходом, встроенным в окно, соединенного с ним. В результате такого соседства, данное пространство стало местом диалога эпох, культур и традиций.

Потенциал бумаги и картона как полноценных строительных материалов раскрылись в проектах японского архитектора Шигеру Бана. В 2007 году рядом со знаменитым римским акведуком Пон-дю-гар во Франции им был реализован временный пешеходный мост, на основе несущих картонных труб, ступеней из макулатуры и фундамента из деревянных ящиков с песком. Данное сооружение функционировало в течение 6 недель в разгар туристического периода, затем было разобрано. Другие его проекты демонстрируют при необходимости долгие сроки службы подобных сооружений – картонные жилые и общественные временные центры для пострадавших после землетрясения в Кобе в 1995 г., рассчитанные на 3 года, существуют до сих пор.

Наконец может быть выделен такой признак временности как кинетическая составляющая. Его иллюстрируют ВС, которые изменяют со временем форму, состав, состояние и положение – гибкие пространства, открытые системы из строительных лесов, ледяные сооружения, растения, разъедающие металлы и создающие фасады, интерактивные объекты итп. Такова и гиперболоидная градирня на фестивале «Архстояние» 2009 года – 15-метровое сооружение из лозы и сена, которое в соответствии с замыслом с течением времени начало заваливаться и изменяться в пропорциях.

Таким образом, временность сооружений не всегда определяется коротким сроком их существования и иногда ввиду своих конструктивных особенностей, высоких эстетических характеристик и потребительской необходимости ВС становятся постоянными, как большинство павильонов международных выставок начиная с Эйфелевой башни. Не задается срок эксплуатации у мобильных сооружений. Поэтому для классификации ВС могут быть использованы и другие характеристики.

Объекты городской инфраструктуры и элементы городских событий можно классифицировать по характеру временной эксплуатации на заданной территории на сооружения однократного и одноразового использования (эфемерные (из не строительных материалов) или стационарные) либо сооружения многократного использования (мобильные, кинетические). По периодам временного функционирования ВС подразделяются на сооружения круглогодичного; сезонного использования; с суточной периодичностью использования (убирающиеся на ночь рыночные структуры); разового использования на время мероприятий; эфемерные сооружения; одноразовые сооружения из не строительных материалов, утилизируемые; задуманные как временные: по своим характеристикам, по большей части, относятся к капитальным сооружениям, но устанавливаются на территории на заданный срок.

Неотъемлемую часть ВС составляют мобильные сооружения, типология и формообразование которых рассматривались в исследованиях Кроненбурга Р. [2, 3] на основе которых была сформирована классификация по характеру мобильности:

- Сборно-разборные мобильные сооружения: каркасно-панельные, панельные (бескаркасные), смешанной конструкции;

- Мобильные здания из объемных пространственных элементов: контейнеры; трейлеры; вагоны-дома; фургоны, изготовленные на автомобильных прицепах;

- Трансформирующиеся мобильные здания: складные конструкции (жесткие, мягкие), раздвижные конструкции.

По степени мобильности временные сооружения по отношению к территории размещения подразделяются на мобильные, маломобильные и стационарные. По мнению Нейфаха Л.С. степень мобильности определяет количество элементов обслуживания, например, палаточные детские лагеря функционируют стационарно несколько месяцев, базовые – несколько лет, а крупные детские лагеря-поселки – десятилетия.

Если рассматривать объекты ВА относительно способа мобильности, то Кроненбург Р. [2] выделяет 3 типа, исходя из конструктивных особенностей и возможностей легкого монтажа:

- не нуждающиеся в сборке сооружения, которые после транспортировки сразу включаются в эксплуатационный процесс (павильон Nomiya, OMD prefab show house). Некоторые примеры таких сооружений построены на колесах или передвигаются на тележке и потому существуют на грани между архитектурой и транспортом;

- предполагающие промышленное производство элементов конструкции здания или сооружения, которые перевозятся в разобранном виде, а затем собираются на территории размещения. Такие сооружения обладают творческим потенциалом, сложной формой и композицией, высокими эстетическими характеристиками. К данному типу относятся выставочные павильоны, сооружения ЕХРО и Галереи Serpentine, архитектурные сооружения Международных мероприятий, концертов, деревянные арт-объекты архитектурных фестивалей и т.п.;

- состоящие из системы модульных фрагментов, которые легко транспортируются и собираются непосредственно на территории – здания из контейнеров, пространственных стержневых конструкций, тентовые покрытия. Этот тип предполагает максимальную адаптивность к изменениям внешней среды, а значит способность к трансформации.

По конструктивно-типологическому принципу временные сооружения подразделяются на блочные, контейнерные, сборно-разборные каркасные, из линейных и плоских элементов, панельные и пневматические (воздухоопорные и воздухоносимые) [11].

По наличию фундамента ВС подразделяются на бесфундаментные, фундаментные мелкого заглубления, фундаментные на винтовых сваях, анкерные и балластные (для воздухоносимых).

Объекты ВА характеризуются большей, чем у капитальных зданий, вариативностью используемых материалов. Традиционными являются дерево, металлические конструкции, составляющие остов сооружений, также тентовые и тканевые покрытия, пластики, композитные материалы облицовки, сэндвич-панели, сайдинг, пластик. В последнее время в качестве материалов, в том числе и для несущих конструкций применяют бумагу, картон, блоки из сена, ветки и лозу, материалы вторичного использования. Все эти материалы при включении цветового и светового дизайна формируют широкий спектр декоративных приемов оформления фасадов, включающий в себя суперграфику и орнаменты, созданные с помощью ритмов материалов («Арка» Бориса Бернасconi, Павильон в Ганновере Шигеру Бана). Однако в целом, для фасадных решений объектов временной архитектуры характерен экономный подход к фасадным решениям, а образ и композиция зависят от функционального назначения ВС.

Переходя к градостроительным параметрам и классификациям ВС, следует отметить, что для ВС городских мероприятий характерно создание пространственного каркаса, связывающего объекты ВА в единую транспортно-пешеходную сеть, тогда как ВС – объекты городской инфраструктуры играют роль «городской плазмы», или «подвижного наполнителя неподвижного окружения».

Объекты ВА располагаются одиночно или группами (торговые ряды, рынки) и тяготеют к зонам потребительской активности. Для объектов общественного, развлекательного – расположение в рекреационных или в пешеходно-общественных зонах (например, сезонный павильон Temporary Kunsthalle, Berlin 2008 установлен на площади перед Рейхстагом).

В целом, варианты размещения ВС в городской среде можно свести к следующим:

1. *Сооружение-ограждение* формирует преграду, стену, скрывает и создает границы между различными зданиями и территориями. Например, торговые ряды, блокированные павильоны, ограждают рынки, расположенные периметрально контейнеры замещают собой привычные ограждения.

2. Многие сооружения торговли формируют *сооружения-площади*, которые могут быть организованы в виде блокированных и рассредоточенных радиально ВС (воскресные рынки, сезонные рынки) или в качестве единственного крупного сооружения (Олимпийский центр на Трафальгарской площади в Лондоне летом 2012 года).

3. Типология торговых рядов, восточных базаров, блокированных линейно вдоль улиц, формирует композицию характерную для галерей и пассажей и представляет собой *сооружение-улица* (например, крытая выставочная галерея на Крымской набережной парка Музеон в Москве).

4. Для большинства городов России с преобладанием сооружений торгового назначения и жестким регламентом расположения ВС в городской среде единственным направлением развития, нацеленного на потребительскую активность жителей стало совмещение торгового павильона или киоска с остановками общественного транспорта – *сооружение-остановка*.

5. *Сооружение-перекресток* фиксирует пересечение улиц. Этот средообразующий принцип также характерен для сооружений торгового назначения, в основном для сооружений «Горпечати». Такие сооружения тяготеют к интенсивным пешеходным маршрутам, что также определяется потребительской активностью. Показательным примером сооружений не торгового назначения следует выделить павильоны и общественные пространства, в т.ч. сезонная трибуна, ставшая центром композиции и регулирующая потоки пешеходов на Таймс-сквер в Нью-Йорке (архитектор Ян Гейл).

6. *Сооружение-вставка* выступает как дополнение к непрерывной застройке. Такие ВС могут формироваться в промежутках между зданиями, нависать над въездными арками, располагаться на городских пустотах и пустырях. Например, павильон галереи Nairwood, созданный архитектурной группой «ба architects» в Лондоне. Сооружение соединяет стоящие рядом многоэтажные кирпичные жилые здания в диалоге со своим деревянным резным фасадом, преобразуя фрагмент городской среды в общественное пространство. Сооружение-вставка может формировать заполнение общественного здания – павильон Bubble в Музее National Mall, Вашингтон 2010-2012 гг., созданный Diller Scofidio+Renfro, представлял собой мембранное сооружение площадью 1208 м², заполняющее внутренний двор и открытые пространства первого этажа.

7. *Сооружение-скульптура* характеризует множество объектов ВА творчества, например, представленные на EXPO павильоны стран участниц в 2010 году в Шанхае: Дании, архитектурное бюро BIG, павильон в виде спиралей пешеходных террас; Великобритании – мультимедийный Seed Cathedral и Испании – павильон параметрического формообразования, фасад которого сделан из натуральных материалов – лозы и веток.

8. Среди новых средообразующих приемов использования ВС – это *сооружения-паразиты*, которые умышленно или из-за естественных причин выступают на контрасте с окружающей застройкой, нарушая ее эстетические характеристики. На протяжении долгого времени торговые павильоны, киоски и ларьки, в частности элементы рынков, характеризовались именно как неблагоприятные элементы городской среды, что отразилось на их количестве.

9. *Сооружение-акцент (сооружение-доминанта)* как средовые характеристики наделяют ВС визуальными преимуществами, по отношению к капитальной застройке (Эйфелева башня). Используя средообразующие характеристики, такие ВС могут усиливать «дух места», улучшать пространственные характеристики и капитализировать пространство.

10. *Сооружения на воде*: плавучие микро-отели, общественные пространства и спортивные центры, например, бассейн Vadeschiff, Берлин, сооружение, представляющее собой группу деревянных террас на понтонах, заканчивающиеся небольшим бассейном. Сооружение также функционирует в зимнее время – все эти пространства закрываются пневматической оболочкой. Развитие набережных, где активным наполнением выступают временные сооружения, повлекло за собой их взаимодействие с водой, в результате, стали создаваться павильоны на воде, террасы летних кафе и ресторанов, танцевальные площадки, игровые павильоны (павильон в Роттердаме, в виде композиции из 3 геодезических куполов; бумажный мост Шигеру Бана во Франции; павильон-облако на Expo-2002 в Швейцарии – эфемерное сооружение, формирующееся на основе пара).

11. *Сооружения под землей* (например, заполнения пешеходных переходов)

12. *Сооружения на крыше* (ресторан Nomiya в Париже, модульный ресторан Park Associati на крыше исторического здания в Милане, Rooftop remodelling на Falkestrasse в Вене, архитекторы Coop Himmelb(l)au, голубятни и др.).

Обзор исторического, теоретического и практического опыта свидетельствуют о развитой типологии временной архитектуры и ее потенциале для решения насущных проблем и развития городской среды. Архитектурное сооружение как элемент международных выставок и городских событий обладает значительным творческим потенциалом, изначально может быть задумано как временное с возможностью дальнейшей разборки и сборки. Этот процесс генерирует постоянный спрос на подобные события в городском пространстве, а временное состояние архитектуры творчества создает новые типологические и конструктивные схемы и моделирует новый образный язык архитектуры. Теоретические исследования в области ВА подтверждают актуальность темпорального аспекта в архитектурной науке – время определяется как фактор изменения в городском пространстве, часто зависящий от запросов человека, однако не рассматривается как самостоятельное понятие. Обзор практического опыта использования временных сооружений для создания объектов различного функционального назначения свидетельствует о развитости типологии, соразмерной по своим характеристикам с капитальными сооружениями, и в дальнейшем способные заменить их, что подтверждается теорией «временного урбанизма», с помощью которого преобразуются территории временного использования и пространства, нуждающиеся в капитализации и ревитализации.

ВС являются наиболее отзывчивыми к потребностям населения: обеспечивают пешеходную доступность при нехватки стационарных торговых площадей; создают необходимую инфраструктуру парков и скверов для создания комфортной среды пребывания; обслуживают массовые мероприятия и участвуют в формировании жилой и общественной среды при ЧС, как элемент быстрого реагирования. ВА может различными способами эффективно заполнять городские «пустоты», выступать самой доступной площадкой творческого манифеста как молодых, так и зрелых архитекторов, обладает способностью выразить современные идеалы гибкости, легкости и мобильности.

Список библиографических ссылок

1. Goessel Peter. Coop himmelb(l)au. Complete works 1968-2010. Cologne : Taschen, 2010. 528 p.
2. Kronenburg Robert. Architecture in Motion: The History and Development of Portable Building. Abingdon: Routledge, 2013. 328 p.
3. Kronenburg Robert. Transportable environments. Oxford : Taylor & Francis, 2013. 224 p.
4. Leupen Bernard. Time-based Architecture: Architecture Able to Withstand Changes Through Time. Rotterdam : 010 Publishers, 2005. 272 p.
5. Temporary architecture NOW! London : Taschen, 2011. 416 p.
6. Балакина Л. А. Градостроительные аспекты мобильных поселений в библейских текстах // Европа-Азия. Сб. тр. XX-й МНК «Современные концепции научных исследований». М. : Eurasian Union of Scientists, 2015. С. 3–18.
7. Временная архитектура парка Горького: от Мельникова до Бана. М. : ЦСК «Гараж», 2012. 144 с.
8. Добрицына И. А. От постмодернизма к нелинейной архитектуре: архитектура в контексте современной философии. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 416 с.
9. Журавлев М. Ю. Категория времени в теоретических концепциях архитекторов // Известия КГАСУ. 2012. № 3 (21). С. 7–12.
10. Израилев Е. М. Мобильная архитектура вчера, сегодня... послезавтра. СПб. : Стройиздат, 1997. 320 с.
11. Митчелл Уильям. Я ++: человек, город, сети. М. : Strelka press, 2012. 328 с.
12. Павильоны СССР на Международных выставках. М. : Майер, 2013. 224 с.
13. Урри Джон. Мобильности. М. : Праксис, 2012. 576 с.
14. Шевченко А. Седрик Прайс: антиархитектор № 1 // Русский журнал : ежедн. интернет-изд. 08.02.2013. URL: <http://www.russ.ru/pole/Sedrik-Prajs-antiarhitektor-1> (дата обращения: 23.10.2017).

Giziatova L.R. – head of workshop of strategic research

E-mail: lilya.giziatova@gmail.com

LTD «Architecturnii desant»

The organization address: 420111, Russia, Kazan, Bauman st., 19, of. 301

Krasnobaev I.V. – candidate of architecture

E-mail: tia.kgasu@gmail.com

Kazan State University of Architecture and Engineering

The organization address: 420043, Russia, Kazan, Zelenaya st., 1

Temporary public architecture: premises, history, classification and potential of modern development

Abstract

Problem statement. The purpose of the article summarizing the master's thesis of the graduate of KSASU in 2014 was the justification of the prospects for the development and implementation of temporary architecture in public spaces of cities in spite of the state policy in Russia to eliminate temporary structures from central urban areas.

Results. On the basis of generalization of theoretical, historical preconditions and modern international experience in the use of temporary public facilities, the urgency of their development in modern quality is proved, the typology of town-planning, functional and composition solutions is revealed, the potential of modern composite solutions enhancing the quality of public spaces in Russian cities is shown.

Conclusions. Temporary architecture is the most responsive to the needs of the population in the field of trade and leisure, can in various ways effectively fill the city «emptiness», act as the most accessible platform for the creative manifesto of architects, and has the ability to express the modern ideals of flexibility, ease and mobility.

Keywords: temporary architecture, temporary public buildings, pavilions, architecture of public events.

References

1. Goessel Peter. Coop himmelb(l)au. Complete works 1968-2010. Cologne : Taschen, 2010. 528 p.
2. Kronenburg Robert. Architecture in Motion: The History and Development of Portable Building. Abingdon : Routledge, 2013. 328 p.
3. Kronenburg Robert. Transportable environments. Oxford : Taylor & Francis, 2013. 224 p.
4. Leupen Bernard. Time-based Architecture: Architecture Able to Withstand Changes Through Time. Rotterdam : 010 Publishers, 2005. 272 p.
5. Temporary architecture NOW! London : Taschen, 2011. 416 p.
6. Balakina L. A. Urban aspects of mobile settlements in Bible texts. // Europe-Asia. dig. of art. of XX International scientific conference «Modern concepts of scientific research». M. : Eurasian Union of Scientists, 2015. P. 3–18.
7. Temporary architecture of the Gorky park: from Melnikov to Ban. M. : CSK «Garage», 2012. 144 p.
8. Dobricina I. A. From postmodernism to nonlinear architecture: architecture in the context of contemporary philosophy. M. : Progress-Tradiciya, 2004. 416 p.
9. Juravlev M. U. Category of time in theoretical concepts of architects // Izvestiya KGASU. 2012. № 3 (21). P. 7–12.
10. Izrailev E. M. Mobile architecture: yesterday, today... day after tomorrow. SPb. : Stroiizdat, 1997. 320 p.
11. Mitchell William. Me++: human, city, network. M. : Strelka press, 2012. 328 p.
12. Pavilions of the USSR at the International Exhibitions. M. : Maier, 2013. 224 p.
13. Urry John. Mobilities. M. : Praxis, 2012. 576 p.
14. Shevchenko A. Cedrik Price: antiarchitect № 1 // Russkiy zhurnal: daily internet-edit. 08.02.2013. URL: <http://www.russ.ru/pole/Sedrik-Prajs-antiarhitektor-1> (reference date: 23.10.2017).